УДК 93 (4)

Шакиров Ю. А.[1]

ДУХОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

Новомосковский институт (филиал) РХТУ им. Д.И. Менделеева

Shakirov Y.A.

SPIRITUAL AND POLITICAL ASPECTS OF FORMING THE RUSSIAN AUTOCRACY IN THE MIDDLE OF THE XVI CENTURY

Novomoskovsk Institute (branch) of MUCTR them. D. I. Mendeleev

Аннотация: Статья посвящена историософскому осмыслению начального периода формирования самодержавия как новой политической структуры, базирующейся на основе глубоких духовных традиций отечественной истории и укрепившейся в борьбе с идеологическими врагами. Особое внимание уделяется политической фигуре Ивана IV, взаимодействию сторонников сильной центральной власти с поддержкой Русской Православной Церкви, как мощного государственно-политического института, на котором замыкались духовные нити связывающие народ в единое целое. Рассматривается проблема форм и методов взаимодействия церкви и государства.

Ключевые слова: Иван IV, самодержавие, Русская Православная Церковь, принципы самодержавной власти, жидовствующие, нестяжатели, митрополит Макарий.

Abstract: The article is devoted to historiosophical reflection period initial formation of the autocracy as a new political structure, based on the deep spiritual traditions of national history and grounded in the struggle against ideological enemies. Special attention is paid to the political figure of Ivan IV, the interaction between supporters of a strong Central government with the support of the Russian Orthodox Church as a powerful political institution, which confined the spiritual threads binding the people together. Considers the problem of forms and methods of interaction of Church and state.

---

[1] Шакиров Юрий Анварович — кандидат исторических наук, доцент Новомосковского института (филиал) РХТУ им. Д.И. Менделеева.

Keywords: Ivan IV, the autocracy, the Russian Orthodox Church, the principles of autocratic power, the Judaisers, the non-possessors, Metropolitan Macarius.

Из проблемы изучения методов сплочения народа на единой духовно-политической основе вытекает актуальность рационального осмысления исторического пути нашего Отечества. Известно, самодержавие, как особая форма власти, характерная для России, зародилось еще до основания династии Романовых. Однако те, кто стоял у истоков ее основания, не могли не учитывать политический опыт формирования самодержавия в прошлом, обратив самое пристальное внимание на совокупность традиций, сила действия которых признавалась в предшествующую эпоху. Осмысление опыта и логика формирования мировоззренческой парадигмы в период правления Ивана IV Васильевича Грозного (1533—1584) позволяет выявить факторы способствовавшие рождению принципиально новой политической системы. Разумеется, не только обрядовая сторона, но и сама политическая форма организации государства, ставшая эффективным политическим средством объединения всех социальных и этнических групп, была воспринята правопреемниками династии Рюриковичей.

Русские историки XVIII—XIX вв. В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин и др. заложили тезис неизбежности развития России по пути укрепления монархической государственности. В связи с этой концепцией великий князь или царь рассматривался как центр принятия политических решений.

Видным историком первой половины XX века С.Ф. Платоновым (1860—1933) была создана концепция деятельности Ивана IV, которая с небольшими изменениями восприняла советская историография.

В 90-х годах XX века появляются труды, авторы которых поставили вопрос об исторической реабилитации Ивана IV. К ним можно отнести и митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (1927—1995). На рубеже XX—XXI вв. большой вклад в изучение проблематики духовно-политических факторов сплочения политической элиты и формирования национального мировоззрения внесли труды исследователей В.В. Аверьянова, Т.В. Грачевой, А.В. Каравашкина, А.М. Панченко, С.В. Перевезенцева, Ю.Е. Кондакова, В.Г. Манягина, А.В. Тюрина, Б.А. Успенского, А.И. Филюшкина, А.И. Фурсова, А.Л. Юрганова и др.

В трудах современных историков и обществоведов, многие из которых стали событием социально-исторической мысли в значительной степени расширена источниковедче-

ская база, формирование самодержавие раскрывается как нестандартная политическая инициатива, ставшей вынужденной и специфической формой самозащиты молодого Русского государства.

Политическая элита Московского княжества на протяжении XIV—XVI вв. подвергалась глубокой трансформации. По мере возвышения Москвы статус удельных князей постепенно снижается. Московские князья не желали видеть в подвластных им землях отдельные княжества, рассматривая их как потенциальный источник сепаратизма.

Удельную систему, как становой хребет военной машины государства, обрушить одномоментно не представлялось возможным. Поэтому антиудельная политика стала основным стержнем длинной и долгой внутриполитической борьбы, которая завершилась только при Иване IV.

В золотоордынскую эпоху великого князя и московских бояр перед лицом великого хана отличали особая сплоченность. Эта спайка, суровая дисциплина, поддержка московского митрополита, позволила московскому князю стать «своим» не только перед ханом, но в глазах всего русского боярства. Распад Золотой Орды обусловил переход функций высшей власти к великому князю и бояре стали больше проявлять себя как самостоятельная социальная группа. Как верно подметил А. Тюрин: «В XVI веке феодальная аристократия превратилась в паразита» [9]. Боярство стремилось к сохранению власти любой ценой, которой оно обладало в период раздробленности. Вместе с тем, боярская верхушка, в целом была не против централизованного государства. Напротив, она боролась за сохранение центрального государственного аппарата, который был гарантом сохранения ее привилегий.

Фигуре великого князя постоянно грозило превращение в номинального правителя, некое подобие того, что, в конце концов, произошло в Польше. В условиях геополитических угроз, при ограниченных ресурсах, в России подобные вольности грозили общенациональной катастрофой. Государю необходимо было опереться на мощные социальные структуры для противодействия своеволию бояр-олигархов. В социально-экономической сфере выбор был, в общем-то, невелик. Либо прямая поддержка социальных низов, либо опора на служилое сословие — дворянство. Но и те и другие не обладали достаточными ресурсами для противостояния боярским кланам.

Однако крепнущее самодержавие пользовалось поддержкой Русской Православной Церкви. Это был мощный государственно-политический институт, на котором замыкались духовные нити связывающие русский народ в единое целое. Православные монасты-

ри являлись крупнейшими землевладельцами. Церковь с золотоордынских времен не платила налоги и таможенные подати. В ее руках находились соляные и рыбные промыслы. Монастыри были пионерами в колонизации плохо заселенных русских земель. Нередко обители основывались на пересечении торговых путей, что содействовало их обогащению. Монастырские земли притягивали к себе крестьян. Здесь они находили защиту от произвола боярской аристократии. Поэтому эти земли быстро обрастали сельскими поселениями.

И самодержавие, и боярская аристократия как сложившиеся в ходе исторического развития страны, социально-политические институты, имели друг перед другом различное видение ее будущего. Социокультурное самоопределение групп выражалось в их идеологических установках. Иными словами, в средневековой России, каждая из групп должна была выразить свое отношение к Православию, к формам и методам взаимодействия Русской церкви и государства.

Со времени принятия христианства в конце X века власть великого князя стояла на фундаментальной идее богоустановленной власти. На протяжении нескольких веков формулировались аспекты взаимоотношений между государством, духовенством и обществом.

Во-первых, наряду с проповедью идеи богоустановленной власти, духовенство усиленно учило и принципу почитания всяких властей.

Во-вторых, был сделан вывод ответственности богоустановленной власти не только перед людьми, но и перед Богом.

В-третьих, богоустановленная власть великого князя не может давать какие-либо преимущества перед подданными — на деле власть для князя является бременем. «Возненавидь, господин, всякую власть, — писал Кирилл Белозерский великому князю Василию I Дмитриевичу, сыну Дмитрия Донского, — влекущую тебя ко греху, непреложным имей благочестивый помысел и не величайся, господин, временной славой в суетном высокомерии: мала ведь и кратка здешняя жизнь, и с плотью сопряжена смерть. И ты думай об этом, и не упадешь в ров гордости» (Три послания…).

В-четвертых, князь обязан был заботиться об интересах Русской Православной церкви: ограждать народ от соблазнов и хранить чистоту веры.

В-пятых, несмотря на богоустановленность земной власти, Русская церковь до своего раскола не принимала ее действия в абсолютном значении, разделяя деяния великих князей на праведные и неправедные.

Иван IV осознавал, глубоко усвоил греховность неправедных действий властителя. Эту особенность мироощущения первого русского царя не вполне усвоили его наследники.

Признаки взаимоотношений между властью, церковью и народом дополнялись и развивались на соборах Русской Православной церкви, в посланиях монахов и т. д. Преподобный Иосиф Волоцкий определял роль великого князя как прямого посредника между Богом и людьми. Само государство, по его мнению, являлось средством к достижению цели человеческой жизни — спасению души.

Флорентийская уния, катастрофа Константинополя привели к тому, что русское духовенство сочло необходимым подчеркивать свою Православную добродетель по сравнению с греческой. Симеон Суздалец, участник Флорентийского собора, еще не резко, но достаточно отчетливо высказал три идеи: русское Православие есть большее и высшее, чем греческое; русский народ призван занять первенствующее положение в Православном мире вместо греков; русский государь должен заступить в Православной церкви место византийского императора [2]. Последнее примечательно тем, что в Москве помнили, что в 1393 г. константинопольский патриарх писал Василию I, что «невозможно иметь церковь и не иметь царя» [3].

После освобождения Москвы от власти Золотой Орды идея царского титула стала более привлекательной. Церковь к независимости оказалась готовой раньше. В 1461 г. посвящение в митрополиты Феодосия (1461—1464), прошло без согласования с константинопольским патриархатом.

В 70-х гг. XV в. великий князь и Русская Православная церковь в утверждении новых взаимоотношений идут рука об руку. В Московском Кремле возводится Успенский собор, как символ могущества нового христианского государства приближающегося к своей полной независимости.

В России рождается идея Руси как Третьего Рима, которая официальной идеологией Русского государства не стала, получив распространение только в Новгороде и Пскове. Собственно в Москве, к середине XVI в. авторитетом пользовались идеалы Москвы, как «второго Иерусалима», как «нового Израиля». В духовно-политической жизни элиты эти образы стали ведущими, т.к. опирались на ветхозаветную традицию и свидетельствовали о богоизбранности правящей династии. Во Второй редакции Послания великому князю Филофея, появившуюся не позднее 80-х гг. XVI в. духовный поиск русских мыслителей венчает не просто «идеал-образ» «Святой Руси», но и как реальное существование Русского государства, Русской Православной церкви и русского народа [5, с. 224].

Москва все больше и больше начинает осознаваться как центр мировой центр. Духовные и светские мыслители приступили к тяжелейшей духовной работе по поиску места

Русского государства в мировой истории. Можно отметить, что Русь с честью прошла духовную закалку, преодолевая поначалу деятельность ереси жидовствующих на рубеже XV—XVI вв., а затем и «нестяжателей», в среде которых жидовствующие нашли удобную нишу для атаки на союз Русского государства и Русской Православной церкви.

К слову сказать, ересь жидовствующих вырвать удалось огромным трудом. Под «нестяжательским» флагом жидовствующим удалось внедрить активного участника этой секты старца Вассиана в ближайшее окружение Василия III. Его подрывную деятельность удалось пресечь только в 1531 г., когда митрополит Даниил смог доказать принадлежность Вассиана к секте жидовствующих. Есть серьезные основания предполагать, что и попа Сильвестра ее адепты внедрили в ближний круг юного Ивана IV.

К своеобразной методологической основе сложившейся идеологии Русского государства, самым ярким образам-идеалам «Святой Руси», можно отнести целый ряд историко-литературных документов, созданных самим Грозным или при его непосредственном участии.

Лишь «Сказание о князьях Владимирских», из череды этих своеобразных идеологических памятников русской культуры, появившееся в первой четверти XVI века было создано еще до рождения Ивана Грозного. В «Сказании» говорилось о происхождении Рюриковичей от римского императора Августа. Здесь обосновывались династические права московских великих князей на царский титул. Главное здесь в том, что московские государи объявляются наследниками мистического «Первого Рима», а потому только они получают все права на хранение истинной веры.

Далее, можно назвать «Лицевой летописный свод», состоящий из десяти томов, содержащий около 9 тыс. листов, украшенных 16 тыс. миниатюр. Первые три тома были посвящены изложению истории человечества от сотворения мира до византийской истории до X века. Следующие семь томов посвящались отечественной истории, начиная с 1114 г. до взятия Казани в 1552 году. Работа на «Сводом» длилась более 30 лет. Этот выдающийся памятник подводил итог многовековому строительству Русского государства.

Не менее значимы были и «Великие Четьи-Минеи». Каждый из 12 томов «Четьи-Миней» соответствовал определенному месяцу, разбит по дням. Этот величайший труд был создан под руководством митрополита Макария и содержал более 27 тыс. художественно разукрашенных и переписанных от руки страниц большого формата. Составляя «Четьи-Минеи» Макарий централизовал культ русских святых. В текст этого свода были включены памятники древнерусской литературы, что укрепляло идеологию союза Русского государства и Русской Православной церкви.

Другим замечательным сводом, составленным на основании летописей и хронографов, представляющим собою первую попытку внесения системы в массу летописных известий стала «Степенная книга». Произведение было составлено в 1560—1563 гг. под контролем Макария. Прежде всего, это был официально-публицистический памятник, прославляющий царствующую династию. Важнейшие события истории Русского государства в «Степенной книге» были разбиты на 17 степеней. Вся история страны изображалась как ступени лестницы, ведущей к Богу. При этом каждая ступень превосходила по святости предыдущую, а каждый самодержец, концентрируя святость своего предка, добавлял свою долю святости.

Другим художественно-историческим памятником стала «Казанская история». «Казанская история» не была и отдельной исторической повестью. Ее автор ставил своей целью рассказать не только о взятии Казани при Иване IV, но и обо всей истории Казанского царства. В произведении соединились самые различные литературные влияния. Вопреки прежним канонам воинской повести, враги в «Казанской истории» изображались как герои. Данное произведение не унижало прежних врагов, помогая адаптироваться поволжской знати в русской служилой среде.

Уникальным духовно-политическим памятником стали «Послания Ивана Грозного Курбскому», где в законченном виде, впервые в русской истории, были сформулированы основные принципы самодержавной власти русских монархов. Достаточно указать на то, что Первому посланию Ивана Грозного был придан характер важнейшего государственно-идеологического мероприятия, и оно зачитывалось во всех Русских Православных храмах. Послания подводят черту под Божественной и юридической легитимацией самодержавной власти.

С.В. Перевезенцев вычленил несколько принципов духовно-политического обоснования самодержавной власти русских монархов, которые обосновал Иван Грозный лично [5, с. 231—232].

Первый принцип — божественное происхождение самодержавной власти, богоизбранность самого государя.

Второй принцип — русский государь имеет законные династические права на владение царским титулом. Иван IV в своих произведениях постоянно использовал аргументы «Сказания о князьях Владимирских». Усилиями Ивана IV версия из «Сказаний…» стала официальной генеалогией не только Рюриковичей, но и последующих царей из династии Романовых. Грозный считал себя продолжателем древней династии, настаивая на

превосходстве наследственного монарха над монархом выборным. Поэтому русский государь призван «владеть людьми», а польский — всего лишь «устраивать их» [6].

Третий принцип — полнота самодержавной власти.

Четвертый принцип — миссионерский смысл власти русского самодержавного государя.

Именно в сочинениях, подготовленных лично государем Иваном IV Васильевичем Грозным впервые полностью, в законченном виде, были сформулированы и теоретически обоснованы основные принципы самодержавной власти русских монархов.

Состоявшийся в 1551 г., по инициативе царя и митрополита Макария, Стоглавый собор, принял важнейшие решения по закреплению «церковной старины». На соборе были зафиксированы своеобразные черты Русской Православной церкви в области церковной обрядности и догматики, сложившиеся на протяжении XI — первой половины XVI вв.

Здесь представляется необходимым обратить внимание на политические реалии Русского государства освободившегося от золотоордынской зависимости с теми библейскими практически-рекомендательными установками, изложенными в первой книге Царств Священного писания. Именно здесь содержится рассказ о том, как появились в земной истории человечества цари. Библейские установления были для наших предков прямым руководством к действию. Бог установил права царя и его обязанности. Главным источником власти царя является Божия воля, а царем стать только тот человек, на которого укажет Господь. Сама же власть монарха должна рассматриваться подданными как богоданная, а подданные — это рабы царя. Попытка ограничения власти самодержца при таких условиях могла рассматриваться только как вероотступничество.

Нельзя не отметить и субъективный фактор, способствовавший формированию самодержавия и выраженный в деятельности Ивана Грозного. Государь в это переломное время, вместе с Русской Православной церковью, находился в постоянном духовном поиске. Требовались новые идеи, которые могли обосновать легитимность Русского государства. Однако эта новизна должна опираться на традиции. «Как может цвести дерево, если у него высохли корни?», — спрашивал он Курбского в первом послании (Переписка…). Богатейший внутренний духовный мир Ивана Васильевича базировался на традициях Русской Православной культуры.

С.О. Шмидт отметил в лексике Ивана Грозного московское просторечие в сочетании с фольклорными эпитетами и метафорами, непосредственность языка, полнокровность и его многообразие [10, с. 256—265]. В.П. Андриянова-Перетц выявила лексические образы Ивана Грозного сближающие его с языком «Моления Даниила Заточника» [1], на-

писанного неизвестным автором еще в первой трети XIII века. Итальянец М. Фоскарино отмечал, что Грозный читал «много историю Римского и других государств... и взял себе в образец великих римлян». «За исключительные качества своей души, — писал М. Фоскарино — за любовь к нему подданных и великие дела, совершенные им со славою в короткое время, достоин он встать наряду со всеми другими государями нашего времени, если только не превосходит их» (Фоскарино Марко, с. 12, 16).

Сочинения Грозного содержат множество ссылок на произведения древней русской литературы, русские летописи, библейские тексты, истории древней Иудеи, истории Византии, жития святых, труды византийских богословов и т.д. Он наизусть, близко к тексту, мог приводить пространные выдержки из Священного писания. Ярко проявился его талант в эпистолярном жанре. Царь умело применял все приемы публицистики: обличение, ссылки на религиозные авторитеты, сарказм и пародия по отношению к идеологическим врагам. Иван Грозный был и сочинителем духовных текстов. Среди его произведений можно назвать «Послание к Князю Михаилу Черниговскому и боярину его Феодору», а также «Духовное завещание». Сквозь толщу веков пробивается настоящий литературный талант.

Грозный был выдающимся композитором своего времени. Царь любил хоровое пение и покровительствовал ему. Известны его собственные музыкальные произведения.

Называть Ивана Грозного «суперэгоистом» [9, с. 29], оценивать его поступки одним лишь стремлением к «неограниченной личной власти» [4, с. 113; 9, с. 343], по меньшей мере, некорректно. Иван IV совершенно иначе понимал власть, нежели рядовой современный обыватель. Она для него была не только бременем, но и выполнением Божественных предначертаний, своего рода разновидностью монашеского подвига. Все изменения, которые произошли в России, проистекали не из личного «хотения» Ивана IV. Концепция построения нового государства исходила из анализа сочетания смысловых структур средневекового сознания и личных идеологических установок самого Ивана Грозного. Если и можно говорить об его личной власти, то опиралась она на общественные структуры и твердые духовно-политические традиции.

Только ради единства Русского государства строились великолепные храмы. Собор Василия Блаженного был воздвигнут в 1556—1560 гг. русскими зодчими во время его правления. Не случайно его называют «восьмым чудом света». Ни до, ни после Ивана Грозного сравнимого по значимости, восхитительной красоте, архитектурного произведения в России не появилось. Собор непосредственно ассоциировался с Небесным Градом, в который превратился в земной Иерусалим после входа в него Христа. В Вербное воскре-

сенье царь шел пешком в этот храм, ведя под уздцы лошадь, на которой восседал митрополит. Всего в России за время его правления было возведено более 100 монастырей и храмов. В каменном строительстве, деревянном зодчестве доминировала шатровая архитектура. Шатровое строительство должно было служить возвеличению победоносного самодержавия.

Те же мотивы звучат и в иконописи. Значительным иконописным образом Руси стала икона «Церковь воинствующая» («Благословенно воинство Небесного Царя»). Икона не только символизировала взятие Казани, но и подводила итог поискам духовного бытия Русского государства в земной жизни: Православные воины во главе с Православным государем, вслед за Архангелом Михаилом движутся от горящей крепости к Небесному Иерусалиму. Русь, утверждала эта икона, познала духовный смысл и цель своего духовного развития — подготовка к Страшному суду и участие русских воинов в Последней битве с мировым злом.

При Иване IV Васильевиче сформировались первые черты духовного лика нашего государства. Все вместе взятое — литература, музыка, архитектура, живопись — утверждало идеологию самодержавия, одновременно с которым развивалась мощная и своеобразная национальная культура населявших его народов. В соответствии с ними постепенно вырабатывается новая идеологическая платформа, уходящая корнями в лучшие образцы и примеры доблести дедов и прадедов. Вся идеология формирующейся новой политической структуры опиралась на светлые идеалы своего прошлого, духовно-нравственные традиции своей истории и своего народа, выковываясь в борьбе с сепаратистами и идеологическими врагами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Переписка Ивана Грозного с князем Курбским. 1564—1579. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=12719&cat_ob_no (дата обращения: 03.04. 2016 г.).

2. Фоскарино Марко. Донесение о Московии второй половине XVI века. М., 1913. С. 12, 16.

3. Три послания и духовная грамота Кирилла Белозерского // Электронные публикации. Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Режим доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4991 (дата обращения: 03. 04.2016 г.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андриянова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947.

2. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Том 1 Православие и современность. Электронная библиотека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bookitut.ru/Ocherki-po-istorii-Russkoj-Czerkvi-Tom-1.61.html (дата обращения: 03. 04. 2016).

3. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви… [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/bible/history/kartsh02.htm (дата обращения: 03. 04. 2016).

4. Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989.

5. Перевезенцев С.В. Грозный царь: известный и неведомый... // Наш современник. 2010. № 4.

6. Рогожин Н.М. Диалог вероисповеданий в дипломатии средневековой России // Древняя Русь. 2002. 4 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187856&s= (дата обращения: 03. 04. 2016).

7. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2001.

8. Тюрин А.В. Война и мир Ивана Грозного. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fan.lib.ru/t/tjurin_a_w/tyurin-war-peace-ivan.shtml (дата обращения: 03. 04. 2016).

9. Хорошкевич А.Л. Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года // Отечественная история. 1994. № 3.

10. Шмидт С.О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного. Труды отдела древнерусской литературы. Т. XIV. М.; Л., 1958.

REFERENCES

1. Andrijanova-Peretc V.P. Ocherki pojeticheskogo stilja Drevnej Rusi. M.; L., 1947.

2. Kartashev A.V. Ocherki po istorii Russkoj Cerkvi. Tom 1 Pravoslavie i sovremennost'. Jelektronnaja biblioteka. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://bookitut.ru/Ocherki-po-istorii-Russkoj-Czerkvi-Tom-1.61.html (data obrashhenija: 03. 04. 2016).

3. Kartashev A.V. Ocherki po istorii Russkoj Cerkvi… [Jelektronnyj resurs]. Re-zhim dostupa: http://www.magister.msk.ru/library/bible/history/kartsh02.htm (data obrashhenija: 03. 04. 2016).

4. Kobrin V.B. Ivan Groznyj. M., 1989.

5. Perevezencev S.V. Groznyj car': izvestnyj i nevedomyj... // Nash sovremennik. 2010. № 4.

6. Rogozhin N.M. Dialog veroispovedanij v diplomatii srednevekovoj Rossii // Drevnjaja Rus'. 2002. 4 ijulja. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187856&s= (data obrashhenija: 03. 04. 2016).

7. Skrynnikov R.G. Ivan Groznyj. M., 2001.

8. Tjurin A.V. Vojna i mir Ivana Groznogo. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostu-pa: http://fan.lib.ru/t/tjurin_a_w/tyurin-war-peace-ivan.shtml (data obrashhenija: 03. 04. 2016).

9. Horoshkevich A.L. Carskij titul Ivana IV i bojarskij «mjatezh» 1553 goda // Otechestvennaja istorija. 1994. № 3.

10. Shmidt S.O. Zametki o jazyke poslanij Ivana Groznogo. Trudy otdela drevne-russkoj literatury. T. XIV. M.; L., 1958.

Рецензенты:

Ситкевич Н.В., канд. философ. наук, доцент Новомосковского института (филиала) РХТУ им. Д.И. Менделеева;

Седугина Т.В., канд. искусствовед., доцент Новомосковского филиала Университета РИО.